

Ли Синлань вышел из зала заседаний — невозмутимый, со спокойным лицом. Он свернул на извилистую тропинку, укрытую густой сенью цветущих хайтанов.

Внезапный порыв ветра всколыхнул ветви; лепестки и тени затеяли безумную пляску. И тут его скрутило. Без предупреждения, без звука он выплеснул на землю сгусток черной крови. Вцепившись в перила так, что на висках и кистях вздулись багровые жилы, он хрипло, надсадно дышал. Ворот халата смялся в кулаке. Однако аромат цветов быстро поглотил тяжелый запах крови. Черная вуаль скрывала лицо, и никто не мог видеть его муки.

Прошло немало времени, прежде чем Ли Синлань пришел в себя. Он сорвал зеленый лист, вытер кровь с губ, а после бросил потемневшую зелень в грязь и втоптал в землю.

Когда он уходил, его спина была прямой, а походка — твердой. Словно ничего и не случилось.

Чэнь Гэ и Хань Тан, застигнутые за подглядыванием, припустили так, что пятки засверкали. Впрочем, дети есть дети: стоило им скрыться с глаз, как страх улетучился. Когда Ли Синлань вернулся к своему дворику, он застал их за весьма почтенным занятием — оба увлеченно возились в грязи.

Увидев Ли Синланя, Чэнь Гэ поднял голову и широко улыбнулся. Лицо его было перемазано так, будто он решил соревноваться с пятнистым котом. К удивлению юноши, Ли Синлань не рассердился. Напротив, он усмехнулся и поманил его к себе.

Чэнь Гэ судил о людях по обертке: если человек улыбается, значит, всё хорошо. Видя редкое благодушие полковника, он не стал гадать о причинах такой перемены и, радостно виляя воображаемым хвостом, бросился навстречу. Впрочем, наученный горьким опытом, он затормозил в полуметре от Ли Синланя. Чэнь Гэ знал: из-за некоторых... особенностей его натуры Ли Синлань не жаловал излишнюю близость.

Он стоял, вытянув перепачканные ладони, и просто глупо лыбился.

Ли Синлань, вопреки обыкновению, сам шагнул вперед, сократив дистанцию до ладони.

— Ты ведь всё слышал на крыше? — спросил он, чуть склонив голову.

Голос его после недавнего приступа звучал сухо, слова перемежались коротким кашлем. Он сделал глоток воздуха, сглотнул, и к нему вернулся прежний мягкий, бархатистый баритон.

Чэнь Гэ, не заметив подвоха, рассмеялся:

— Это всё Хань Тан! Я твердил ему: «не буду слушать, не буду!», а он взял и поднял черепицу.

Солнце выглянуло из-за туч, залил дворик золотом. В этом свете Чэнь Гэ — в белых одеждах, с растрепанными волосами и тенями от цветов на лице — казался видением из сна. И как бы они ни резвились, одежда его оставалась подозрительно чистой. Видимо, парень настолько привык к бедности, что берег единственный наряд пуще глаза. На фоне пятен грязи его кожа казалась бледным нефритом, а круглые щенячьи глаза светились такой искренней радостью, что невозможно было не улыбнуться в ответ.

Ли Синлань снова сделал тот странный жест — протянул руку, словно хотел коснуться, но замер на полпути. Однако на этот раз они стояли слишком близко. Его палец коснулся щеки Чэнь Гэ. Ли Синлань осторожно смахнул подсохший комочек земли.

— И что ты... намерен делать дальше? — Его голос дрогнул, в нем проскользнула едва уловимая неловкость.

Чэнь Гэ, чей мозг работал по совершенно иным законам, даже не понял вопроса. Он вздрогнул и нерешительно пробормотал:

— Ну... мы это... в грязи играем.

Ли Синлань опустил взгляд. На земле выстроилась целая армия глиняных человечков. Круглые головы, пузатые туловища, веточки вместо рук — они сидели в точном соответствии с расстановкой сил в зале заседаний.

Ли Синлань не сдержал смешка.

— Все дети любят возиться в грязи.

— В грязи и моче, — ляпнул Чэнь Гэ, почесав затылок.

Ли Синлань осекся. Его рука так и застыла в воздухе.

Увидев его ошарашенное лицо, Чэнь Гэ победно осклабился:

— Да шучу я! А ты вечно держишь меня за несмышленища. Мне, вообще-то, семнадцать скоро.

— Через день. А значит, тебе вечно будет шестнадцать, — вздохнул Ли Синлань. — Ладно, иди отмывайся и ложись вздремни. Сегодня наш «советник» выставляет угощение: зарезали барана. Проснетесь — будем пить горячую шурпу.

Чэнь Гэ с радостным воплем умчался. Ли Синлань тут же помрачнел и повернулся к Хань Тану:

— Тан-эр, ты тоже приведи себя в порядок. Зайди ко мне позже, обсудим обучение солдат.

— Слушаюсь, — кивнул тот, но пробормотал себе под нос: — Всё же к Чэнь Гэ господин Ли относится как-то... по-особенному.

Ли Синлань вздрогнул.

— Я отношусь к вам обоим как к младшим братьям. Просто его старший брат был моим благодетелем, а сам Чэнь Гэ духом не так крепок, как ты. Вот и приходится присматривать.

— Да уж, дитя малое, — донесся издалека ворчливый голос Хань Тана. — Хм.

Чэнь Гэ, «дитя малое» ростом в сто семьдесят сантиметров, валялся на тахте, закинув руки за голову и болтая ногой. Солнечные зайчики плясали на его белой коже, в воздухе лениво кружились пылинки. За окном шелестели хайтаны, нагоняя дремоту, но сон не шел.

Его распирало от восторга: Ли Синлань не просто убедил совет, он лично возьмется за тренировки!

Шутка ли — целый полковник, командир полка! В Африке он командовал полутора тысячами бойцов, вычищая джунгли от остатков зомби. Опыт колоссальный. Как он умудрился дослужиться до такого звания к двадцати семи годам? Может, тоже «сынок шишки», как и его старший брат?

При мысли об этом Чэнь Гэ кольнула совесть. Из-за него все они застряли в этом мире, потеряли связь с близкими. Он дал себе два зарока: во-первых, как бы Ли Синлань его ни сторонился, он будет о нем заботиться. Во-вторых — с завтрашнего дня тренироваться до седьмого пота.

А забота, как известно, начинается с информации. То есть... с подслушивания.

Он сосредоточился, и голоса из соседней комнаты зазвучали отчетливо.

— Про зомби Чэнь Гэ тебе всё рассказал? — спрашивал Ли Синлань.

— Да. В это трудно поверить, — отвечал Хань Тан.

— Главное в бою с ними — психология. Страх смерти естественен, но в схватке с мертвецами он парализует. Ты должен принять свой страх, чтобы победить его.

— Я — демон. Меня не пугает нечисть.

— Хорошо. Чтобы стать сильнее, нужно сначала познать себя. О технике боя спросишь Чэнь Гэ. Он в этом деле мастер.

— Он? — в голосе Хань Тана сквозило сомнение. — Вы уверены, что на него можно положиться?

— Чэнь Гэ вырос в семье военных. Он еще до рукояти меча не дорос, когда Старший брат Цзянь выгнал его на полигон. Жизнь никого не щадит, Тан-эр. Не суди о человеке по обертке.

— Понял. Дерется он и впрямь неплохо, но соображает туго.

Ли Синлань не стал спорить.

— У нас пять дней, чтобы обучить их азам. Еще пять — на строевую подготовку и тактику. Наша цель — оборона. Днем тренировки, ночью — укрепление стен. Времени в обрез, готовься к трудностям.

— Вы собираетесь уходить? — Хань Тан уловил скрытый смысл.

— У каждого свой долг. Мы должны найти истоки всего этого. Пока не узнаем правду, ни я, ни Чэнь Гэ не обретем покой. Но прежде чем мы уйдем, я сделаю из ваших людей воинов.

— Почему вы всегда печетесь о его чувствах? Он же... ветреный, пустой человек.

— Тан-эр!

— Виноват. Учитель, примите мой поклон.

Раздался глухой стук — Хань Тан опустился на колени. Ли Синлань попытался его поднять, но юноша был непреклонен.

— Отец учил меня грамоте, но из-за моей природы у меня никогда не было друзей. Когда прабабушка умерла, родители сбежали в столицу, и только отец остался здесь. У меня не было наставника. Я искренне восхищаюсь вами и хочу учиться.

Ли Синлань вздохнул:

— Ты славный малый, но учитель из меня посредственный. Давай без чинов. Считай меня старшим братом. Если что случится — я помогу.

Хань Тан не стал спорить, лишь молча кивнул.

— Ты долго служил при Бяньян-цзюне, толк в делах знаешь. Подумай о наборе рекрутов. Завтра начнем. А теперь — отдыхать.

Послышались шаги, хлопнула дверь. Чэнь Гэ мигом подскочил к окну, пытаясь рассмотреть Ли Синланя, но тот как раз закрывал ставни. Их взгляды встретились на мгновение. Чэнь Гэ испуганно нырнул обратно в постель и с размаху приложился затылком о спинку тахты. На голове тут же вздулась внушительная шишка.

Вечер в поместье Бяньян-цзюня выдался жарким.

Традиция «совещание переходит в банкет» не менялась веками. В усадьбе яблоку негде было упасть: гости несли дары — молочных поросят, жирных баранов, дичь, рыбу.

С самого полудня повара сбились с ног. Над двором плыл аромат наваристой шурпы: бараньи кости и мясо томились в огромных треножниках с кореньями, диким луком и травами. Бульон стал густым и белым, как молоко.

Поросенка, начиненного пряными травами, запекали в глине на яростном огне, пока шкурка не стала идеально гладкой и хрустящей. Десятки чаш с соусами — муравьиным, моллюсковым, горчичным, икорным — выстроились в ряд.

Залы освещали высокие бронзовые светильники, украшенные литьем: драконами, тиграми и диковинными птицами. В свете огней сверкала посуда, разносился звон колоколов. Люди смеялись и пили, словно и не было никакой угрозы у ворот.

Чэнь Гэ забился в самый дальний угол и молча уплетал всё подряд. Это был его лучший ужин в этом мире. Крошечная порция черной икры исчезла в миг, и он разочарованно облизнулся. В ту же секунду перед ним появилась полная чаша деликатеса.

Ли Синлань стоял за спиной — в полумраке, невидимый. Он лишь слегка сжал плечо юноши и вернулся на свое место.

Наевшись до отвала, Чэнь Гэ улизнул из зала. В животе приятно тяжелело, сон не шел. Он бродил по саду среди цветущих хайтанов, которые в лунном свете казались призрачно-белыми.

«Пятнадцатая луна на шестнадцатую — самая круглая», — вспомнил он присказку. И впрямь, в небе сиял идеальный серебряный диск.

Тут его осенило: а где Бэй Чэнь?

Утром он видел, как огромный волк перемахнул через забор, и с тех пор его след простыл. Неужели ушел насовсем? С него станется. У каждого свой путь.

Они встретились случайно — человек и демон. За полмесяца пережили столько, что хватило бы на годы. Бэй Чэнь вернул себе память, отомстил за мать и вспомнил о своем долге героя. Это было... эпично.

Чэнь Гэ вернулся в комнату за своей саблей. Клинок был необычным: тяжелый, пяти футов длиной, из странного иссиня-черного материала — ни камень, ни металл. Раньше он бы его и не поднял, но теперь тело налилось новой, чужой силой.

Он вышел в центр двора. Размотал обмотки, коснулся ледяной стали. Сердце предательски сжалось от тоски по дому.

«Сабля — это храбрость, Чэнь Гэ. Как раз для твоего скудного ума», — ворчал в памяти голос брата.

«Если не научишься махать железкой, как собрался девчонок клеить? На жалость давить?»

«Название? Какое еще название? Это сабельный бой, здесь выживать надо, а не стихи читать. Еще десять минут тренировки за лишние вопросы!»

«Вставай, кому сказал! Думаешь, я куплюсь на твои слезы? Недождешься! Ладно... полминуты скину. Черт с тобой, минуту! Только не реви, Христа ради!»

Чэнь Гэ замер в стойке. Тело натянулось, как тетива боевого лука. Правая рука сжала рукоять, клинок поднялся над головой. Юноша закрыл глаза, вслушиваясь в шепот ветра.

Резкий выпад! Клинок со свистом рассек воздух. Шаг, поворот — и мощный удар снизу вверх.

Сабля — не меч, в ней нет изящества, только сокрушительная мощь. Раньше Чэнь Гэ не хватало сил для таких маневров, но теперь всё было иначе.

Клинок танцевал в его руках, выписывая дуги: замах, подрез, рубящий удар. Белые одежды мелькали в лунном свете, точно крылья огромной птицы. Он двигался легко, порывисто, и каждое движение, вбитое когда-то братом через боль и пот, теперь находило идеальный выход.

Завершив связку, он замер, тяжело дыша.

На крыше, наострив уши, сидел Бэй Чэнь и не мигая наблюдал за ним.

— Старший брат! Ты где пропадал? — выдохнул Чэнь Гэ.

Бэй Чэнь промолчал, лишь показал большой палец.

Редкое признание от этого угрюмого зверя дорогого стоило. Чэнь Гэ расплылся в улыбке и сложил пальцы «сердечком».

Бэй Чэнь фыркнул, спрыгнул вниз и по-хозяйски зашагал к галерее. Там, в тени колонн, стояли Ли Синлань и Хань Тан, вернувшиеся с пира.

Все четверо замерли в разных позах.

Ли Синлань сидел неподвижно — спина прямая, руки на коленях, чеканный профиль. Хань Тан привалился к столбу, настороженно поводя глазами, в которых вспыхивали золотистые искры. Бэй Чэнь бесцеремонно уселся на перила, задрал ногу и распахнув ворот халата — дикарь, не знающий приличий. Чэнь Гэ примостился рядом с Ли Синланем, ссутулившись, как обычный подросток.

Лунный свет заливал сад, превращая его в призрачное подводное царство, где тени цветов колыхались, точно водоросли.

Бэй Чэнь заговорил первым:

— Несколько дней назад из Сяньяна выехали пятнадцать посланников в пурпурном. Они везут приказы в заставы Ханьгу и Угуань. Войска Цинь стягиваются к границам. Вести они передают через крылатых тварей — золотых птиц. Мы зовем их золотыми искрами.

<http://bllate.org/book/17509/1662841>